

- gertsen/public/knyaginya-ekaterina-romanovna-dashkova.htm (дата обращения 01.02.2024).
5. *Гусарова С.В.* Фольклор как поиск национальной идентификации в русской литературе XVIII века. // *Екатерина II и княгиня Дашкова: взгляд из XXI века.* М.: ООО «Ленанд», 2018. С. 319–331.
 6. *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой: перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи: с приложением 4-х портретов, разных документов и писем и указателя / под ред. и с предисл. Н.Д. Чечулина. Санкт-Петербург: издание А.С. Суворина, 1907. VIII, 366 с.
 7. *Зиновьева А.В.* «Женское лицо» русского просвещения: к вопросу о просветительской деятельности Екатерины II и Е.Р. Дашковой. // Информационно-тематический портал «Обозник», 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.oboznik.ru> (дата обращения 21.01.2024).
 8. *Смагина Г.И.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: штрихи к портрету. 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://az.lib.ru/d/dashkova_e_r/text_0030.shtml (дата обращения 21.01.2024).
 9. *Столбова Е.И.* Портреты княгини Е.Р. Дашковой. Сб.: «Е.Р. Дашкова. Исследования и материалы». СПб., 1996. С. 158–174.
 10. *Фадеева Т.М.* Е.Р. Дашкова и английская ветвь Воронцовых: о малоизвестном портрете княгини, хранящемся в поместье Вилтон-хауз (Англия) // *Е.Р. Дашкова: Великое наследие и современность.* М: МГИ им. Дашковой, 2009. С. 187–200.
 11. Характеристика княгини Дашковой Дидро // *Материалы для биографии княгини Е.Р. Дашковой.* Лейпциг, 1876. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=754> (дата обращения 21.01.2024).

Татьяна Александровна Егерева,

кандидат исторических наук,

Государственный музей-заповедник «Остафьево» – «Русский Парнас»,

e-mail: taegerewa@gmail.com; ORCID: 0009-0007-3375-3761

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1937 ГОДА КАК ПОВОД ВОЗРОДИТЬ МУЗЕЙ-УСАДЬБУ «ОСТАФЬЕВО»

Аннотация. Усадьба «Остафьево», превращенная в частный музей в 1899 г., уцелела в годы революции и Гражданской войны, причем ее заведующий П.С. Шереметев акцентировал связь усадьбы с А.С. Пушкин-

ным, трижды приезжавшим в Остафьево, чтобы подчеркнуть ее мемориальный и литературный характер и тем спасти от закрытия. В 1930 г. музей в Остафьево все-таки ликвидировали, коллекции распределили по более, чем 20 учреждениям. Попытка возродить музей в Остафьево была предпринята с подачи газеты «Вечерняя Москва», журналисты которой в 1937 г. аргументировали Пушкинским юбилеем необходимость открыть для широкой публики место, связанное с памятью о поэте. Полученный запрос Музейный отдел Наркомпроса РСФСР отправил в Государственный литературный музей, так как именно этот музей в 1930-е гг. хранил, собирал и изучал бывшие остафьевские мемориальные предметы. К сожалению, попытка возродить музей, опираясь на имя А.С. Пушкина, тогда не увенчалась успехом, но оставалась в планах Гослитмузея, о чем свидетельствует докладная записка П.С. Шереметева В.Д. Бонч-Бруевичу 1940 г. с описанием бывших остафьевских коллекций и предложением содействия в работе по восстановлению музея.

Ключевые слова: Пушкинский юбилей, В.Д. Бонч-Бруевич, С.И. Дарган, П.С. Шереметев, Остафьево, музей-усадьба, газета «Вечерняя Москва», Музейный отдел Наркомпроса, место памяти.

Tatiana A. Egereva,

PhD in History Sciences,

The State Museum Preserve «Ostafyevo» – «Russian Parnassus»,

e-mail: taegereva@gmail.com; ORCID: 0009-0007-3375-3761

THE PUSHKIN ANNIVERSARY OF 1937 AS AN OCCASION TO REVIVE THE OSTAFYEVO MUSEUM-ESTATE

Abstract. *The estate «Ostafyevo», which was turned into a private museum in 1899, survived the years of revolution and the Civil War. Its manager P.S. Sheremetev emphasized the connection of the estate with A.S. Pushkin, who came to Ostafyevo three times, to highlight its memorial and literary character and to save from closure. In 1930, the museum in Ostafyevo was abolished. The collections were distributed over 20 institutions. An attempt to revive the museum in Ostafyevo was made with the help of the newspaper «Vechernya Moskva». Its journalists in 1937 argued for the Pushkin anniversary the need to open to the general public the place associated with the memory of the poet. The received request was sent by the Museum Department of the People's Commissariat of Education to the State Literary Museum, because it was the museum that stored, collected and studied former*

Ostafyeyo memorial items in the 1930s. Unfortunately, the attempt to revive the museum, relying on the name of A.S. Pushkin, was not successful, but it remained in the plans of the State Literary Museum, as evidenced by the report of P.S. Sheremetev to V.D. Bonch-Bruevich of 1940, with a description of the former Ostafyeyo collections and an offer of assistance in the restoration of the museum.

Keywords: *Pushkin anniversary, V.D. Bonch-Bruevich, S.I. Daragan, P.S. Sheremetev, Ostafyeyo, museum-estate, newspaper «Vechernya Moskva», Museum Department of the People's Commissariat of Education, place of memory.*

Введение. В 2024 году Россия торжественно отмечает 225 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Праздничные мероприятия в ходе юбилея, в числе которых запланировано открытие новых выставочных проектов и реэкспозиция уже существующих музеев, связанных с именем великого поэта, делают актуальным обращение к изучению Пушкинского юбилея 1937 года. Тогда к столетию гибели поэта восстановили сожженный в 1918 году усадебный дом в Михайловском, в Болдине отреставрировали усадебный парк и активно готовились к открытию музея, состоявшемуся в 1949 г., памятные мероприятия прошли в Гурзуфе, Оренбурге, Бернове и других «местах памяти», связанных с А.С. Пушкиным. При этом в список пушкинских мест не попала усадьба «Остафьево», несмотря на то что А.С. Пушкин приезжал в Остафьево трижды: в начале июня 1830 г., 17 декабря 1830 г. и 4 января 1831 г. Еще до революции в усадьбе С.Д. Шереметевым был открыт частный музей, хранивший уникальные пушкинские реликвии. После ликвидации музея в 1930 г. пушкинские мемории из Остафьева были вывезены в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина, а в усадьбе разместился дом отдыха. Попытку, к сожалению, неудачную возродить музей в Остафьево, связав его с именем А.С. Пушкина, предприняли журналисты газеты «Вечерняя Москва» в августе 1937 года.

Насколько нам известно, этот сюжет ранее не привлекал внимания специалистов, между тем он весьма важен для изучения механизмов задействования памяти о А.С. Пушкине в культурной политике 1930-х годов; а также для изучения истории Государственного Литературного музея (далее – Гослитмузей), поскольку именно туда была отправлена заметка журналистов, и усадьбы «Остафьево» в бытность в ней дома отдыха. Единственная публикация, освещающая историю Остафьева в интересующий нас период, – добротная статья З.Е. Ки-

рюшиной «Из истории усадьбы Остафьево 1931–1989 гг.», данного сюжета не касается¹.

В основу исследования были положены архивные материалы из личного фонда В.Д. Бонч-Бруевича (фонд № 369) в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, делопроизводственные документы Гослитмузея (фонд № 612) Российского государственного архива литературы и искусства, а также материалы Музейного отдела Главнауки Наркомпроса (фонд № 54), хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Среди использованных документов особенно интересным представляется рапорт С.И. Дарагана, недолгий период занимавшего должность заведующего музеем-усадьбой «Остафьево», а в 1937 г. – старшего научного сотрудника Гослитмузея. Этот рапорт, свидетельствовавший о состоянии усадебного парка в ведении дома отдыха, впервые вводится в научный оборот.

Ход и результаты исследования. Усадьба «Остафьево», упоминаемая в документах вотчинного землевладения с XVII века², стала знакомым местом в культурном ландшафте России в XIX веке, когда ею владели четыре поколения князей Вяземских. При князе А.И. Вяземском (1754–1807 гг.) в Остафьево был выстроен главный усадебный дом в стиле классицизма, разбит регулярный и пейзажный парки, начала формироваться усадебная библиотека и складываться художественное собрание, включавшее хорошо подобранную коллекцию живописи и графики, антиков, резных камней и медалей. При его сыне, известном поэте, критике и мемуаристе князе П.А. Вяземском (1792–1878 гг.) Остафьево, гостеприимно встречавшее В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, Д.В. Давыдова, Н.В. Гоголя, приобрело славу «русского Парнаса». Среди знаменитых гостей усадьбы был А.С. Пушкин. В общении с близкими его сердцу людьми – князем П.А. Вяземским и его супругой В.Ф. Вяземской – А.С. Пушкин делился планами, связанными с предстоящей женитьбой на Н.Н. Гончаровой, читал произведения, написанные им плодотворной первой Болдинской осенью, обсуждал животрепещущие политические новости, в том числе события в Польше, высказывал свои мысли о сочинениях П.А. Вяземского и давал князю советы «писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого».

¹ Кирюшина З.Е. Из истории усадьбы Остафьево 1931–1989 гг. // Остафьевский сборник. Вып. 11-12. Остафьево, 2009. С. 215–229.

² Квятковская Н.К. Остафьево. М., 1990. С. 8.

Знакомством с Пушкиным гордился сын Вяземских Павел Петрович (1820–1888 гг.), тщательно сохранявший память о великом поэте и его мемориальные вещи в Остафьево. Выполняя завещание отца, П.П. Вяземский перевез в Остафьево из Петербурга и поместил в Карамзинской комнате письменной стол А.С. Пушкина, его трость, жилет, в котором он был смертельно ранен на дуэли, свечу с отпевания и перчатку, парную той, что была опущена в гроб с телом поэта, картину А.А. Козлова «А.С. Пушкин на смертном одре», рисунок И.Я. Красницкого места дуэли А.С. Пушкина с прикрепленным к листу кусочком коры березы, возле которой стоял поэт, а также ящик с пятью сосновыми щепами, собранными А.С. Пушкиным и П.А. Вяземским в 1828 г. в Петропавловской крепости в память о казненных декабристах. В парадной анфиладе залов П.П. Вяземский разместил свои коллекции картин европейских мастеров XV–XVII вв., деревянной скульптуры, оружия, осветительных приборов, тем самым превратив Остафьево в домашний музей.

Новый взлет культурной жизни усадьбы был связан с деятельностью графа С.Д. Шереметева (1844–1918 гг.), купившего имение у своего шурина в 1898 г. и открывшего в нем частный общедоступный музей. Открытие музея было приурочено к празднованию в 1899 г. столетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина.

Очевидно, именно благодаря музеефикации усадьба смогла благополучно пережить годы революционного лихолетья: главный дом был закрыт, но не подвергся ни разграблению, ни сожжению. Сын последнего дореволюционного владельца Остафьева, Павел Сергеевич Шереметев (1871–1943 гг.), профессиональный историк и художник, закончивший историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, принял решение остаться в Советской России и всецело посвятил себя сохранению наследия прошлого. В марте 1918 г. он получил охранную грамоту на Остафьево, а в мае того же года был назначен хранителем художественно-исторических ценностей в усадьбе. В 1921–1927 гг. он занимал должность заведующего музеем. В годы НЭПа П.С. Шереметеву, несмотря на небольшой штат сотрудников (6 человек), голод и холод, когда из-за отсутствия дров приходилось «доставать гнилушки из-под моста, не имея ни полена»¹, постоянную подозрительность властей по отношению к бывшему графу, удалось наладить успешную работу музея, который пользовался популярностью у посетителей.

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 54. Ед. хр. 643. Л. 210.

И в организации выставок, и в отчетах в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса П.С. Шереметев настойчиво повторял одну мысль: Остафьево – музей с богатым литературным прошлым, хранящий воспоминания о А.С. Пушкине, Н.М. Карамзине, П.А. Вяземском, в то время как в официальных документах, наоборот, явно прослеживалась тенденция его обытовления («музей быта 1-й половины XIX столетия») и, как следствие, лишения историко-культурной уникальности.

В первостепенную задачу П.С. Шереметева как заведующего музеем входила инвентаризация усадебных коллекций, которую он проводил совместно с направленными в Остафьево эмиссарами Наркомпроса. Нам уже приходилось писать, что необходимая в деятельности любого музея инвентаризация фондов имела для Остафьева самые пагубные последствия: только заканчивалось описание той или иной усадебной коллекции, как на самые знаковые предметы из нее немедленно поступал запрос со стороны других учреждений культуры¹.

П.С. Шереметев до последнего защищал целостность музейных коллекций в Остафьево: «принципиально не желательно разбивать Остафьевского собрания. Разбирая по частям, можно свести на нет весь музей, собранный в течение ста лет несколькими поколениями одного и того же рода. За последние годы были поползновения взять:

Вещи Пушкина

Библиотеку

Геммы

Физический кабинет

Часть картин взята в музей изящ. искусств (43, возвр. 13)

Архив уже вывезен»².

После увольнения П.С. Шереметева (в 1927 году он как «лицо дворянского происхождения» был смещен с должности заведующего музеем, в 1928 году уволен с должности научного сотрудника) и передачи музея в январе 1928 года в ведение Музейного подотдела МОНО (Московского отдела народного образования) при Моссовете процесс вывоза из Остафьева ценных предметов стал необратимым. По постановлению Президиума Московского областного исполкома и Московского Совета от 6 марта 1930 г. музей был ликвидирован, а его

¹ *Егерова Т.А.* Остафьево в 1920-е годы: роль П.С. Шереметева в изучении и сохранении усадебных коллекций // «Une vie de château». Жизнь в усадьбе и вокруг нее: материалы международной научно-практической конференции из цикла «Императорская Гатчина» / Часть 2. СПб., 2023. С. 42–44.

² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 643. Л. 99.

коллекции разошлись по более, чем 20 учреждениям культуры. Пушкинские мемории, хранившиеся в Карамзинской комнате, были вывезены в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина.

Новым местом хранения памяти о Вяземских и Карамзиных взамен упраздненного музея в Остафьево стал в 1930-е годы Гослитмузей. Он был образован по инициативе В.Д. Бонч-Бруевича и мыслился его создателем как крупнейший в стране научный, издательский, архивный и музейный центр, концентрировавший в своих фондах все материалы по истории русской литературы.

Под руководством В.Д. Бонч-Бруевича Гослитмузей проводил активную и систематическую работу по выявлению и приобретению частных архивов, документальных и вещественных памятников, в том числе из упраздненных музеев и бывших усадеб, причем благодаря энергии и связям директора масштабы собирательской деятельности музея были поистине беспрецедентны¹. Так, в 1932 г. будущий музей получил 645 поступлений, составивших 180600 единиц хранения, в 1933 г. – 500 поступлений (140000 ед. хр.), в 1934 – 1620 поступлений (453600 ед. хр.), в 1935 г. – 1954 поступлений (547120 ед. хр.), в 1936 г. – 2225 поступлений (623000 ед. хр.), в 1937 г. – 2610 поступлений (730800 ед. хр.)².

Для обеспечения подобного размаха собирательской деятельности музея нужны были как минимум два условия: щедрое государственное финансирование и наличие информации, где искать нужные экспонаты. Благодаря партийным связям В.Д. Бонч-Бруевича с первым условием проблемы не было: Гослитмузей на заре своего существования получал двойное финансирование и от Наркомпроса, и напрямую от Совнаркома в золотых рублях и валюте, что позволяло ему делать нужные закупки не только в СССР, но и за рубежом. Второе условие – поиск информации, где могут находиться интересные документы и артефакты, – успешно решалось В.Д. Бонч-Бруевичем благодаря его личным связям и личной переписке со старой дореволюционной интеллигенцией. Круг его корреспондентов был огромен и включал свыше 5000 лиц, среди которых был и П.С. Шереметев.

П.С. Шереметев получал от Гослитмузея научные поручения, для выполнения которых оформлялись временные трудовые договора и вы-

¹ Подробнее см.: *Шумихин С.В.* Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного литературного музея в 1931–1941 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИАИ, 1988. 29 с.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 369. К. 109. Ед. хр. 2. Л. 1.

давались справки для предоставления в домуправление¹, сотрудничал в работе по атрибуции предметов и предлагал для закупки имевшиеся лично у него старинные вещи и документы. По словам В.Д. Бонч-Бруевича, «к лицам, особенно деятельно и сочувственно относящимся к собирательской задаче нашего Музея и архива несомненно необходимо отнести П.С. Шереметьева, благодаря которому в наш Музей поступил целый ряд весьма ценных материалов»².

Понятно, что музей в первую очередь интересовали имевшиеся у П.С. Шереметева мемориальные предметы, связанные с Вяземскими. «Мне сообщили, что у Вас была миниатюр В.Ф. Вяземского [так в тексте – *Т.Е.*]. Если это верно, не пожелаете ли Вы ее продать нашему Музею, а если это не так, то не укажете ли где ее можно искать? У нас 9 или 11 сентября будет заседание Фондовой комиссии. Если есть у Вас какие документы на продажу – посылайте»³, – писал Бонч-Бруевич П.С. Шереметеву в 1933 г.

В.Д. Бонч-Бруевич сотрудничал не только с П.С. Шереметевым, но и со многими другими «бывшими», и даже давал им возможность работать в штате Гослитмузея. Эта сторона его деятельности, причем проводимой в годы сталинского «большого террора», только сейчас начинает получать заслуженную оценку⁴. Согласно «Списку сотрудников Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики» (не датирован, ориентировочно 1934 г.), из 37 штатных сотрудников музея 10 были бывшими дворянами и детьми дворян, 2 – дети профессуры⁵.

Среди таких «бывших» был С.И. Дараган – дворянин по происхождению, выпускник юридического факультета Московского уни-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 2.

² ОР РГБ. Ф. 369. К. 108. Ед. хр. 11. Л. 56.

³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2270. Л. 2.

⁴ Обмен письмами между Б.В. Томашевским и В.Д. Бонч-Бруевичем. Январь – февраль 1939 г.: неосуществленное издание писем Блен де Сенмора к великой княгине Марии Федоровне в серии «Летописи Государственного литературного музея» / Вступ. ст., публ. и коммент. Шумихина С.В. // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 198; «Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич»: Письма Н.Е. Ончукова к В.Д. Бонч-Бруевичу 1930-х гг. / Вступ. ст., публ. и коммент. Комелиной Н.Г. // Из истории русской фольклористики. Вып. 11: К юбилею Валерии Игоревны Ереминой. СПб., 2018. С. 488; *Московская Д.С.* О времени и о себе. Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича с Н.П. Анциферовым // Вторые московские Анциферовские чтения: сборник статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. М., 2014. С. 91.

⁵ ОР РГБ. Ф. 369. К. 104. Ед. хр. 25. Л. 1–3.

верситета, опытный искусствовед, принятый В.Д. Бонч-Бруевичем в иконографический отдел музея¹. На протяжении 1920-х годов С.И. Дараган занимал посты заведующего музеями-усадьбами «Ольгово» (1924–1927 гг.) и «Дубровицы» (1927–1928 гг.), научного сотрудника «Никольского-Урюпина» (1928 г.), «Остафьева» (1928–1929 гг.) и «Кускова» (1929–1931 гг.)², а потому прекрасно знал усадебные коллекции. В докладной записке 1938 года В.Д. Бонч-Бруевичу он писал: «Высокой ценности материалы из усадьбы Вяземских «Остафьево» /где я работал в течение полугода/, после закрытия этой усадьбы, в значительной части поступили в Серпуховской Краевой музей»³.

О том, что в Серпуховском краеведческом музее хранятся остафьевские вещи, В.Д. Бонч-Бруевич знал и раньше: уже 25 мая 1933 г. он обратился в МОНО с просьбой передать в Гослитмузей из Серпуховского краеведческого музея «письма Вяземского и других писателей, поступивших из соседних имений и хранящихся там в достаточном небрежении»⁴. Как писал В.Д. Бонч-Бруевич, «я полагаю, что в общих целях научного исследования такое передвижение будет весьма целесообразно, т.к. действительно в Серпуховском краеведческом музее все эти литературные материалы являются случайным явлением, у нас же они займут свое подобающее место и, кроме того, они будут описаны, сохранены, а также в скором времени напечатаны в наших «Летописях» Центрального Литературного музея»⁵.

Помимо писем П.А. Вяземского, в Гослитмузей был передан оказавшийся в Серпуховском музее портрет княжны Н.П. Вяземской, портрет княгини В.Ф. Вяземской кисти А. Молинари и изображение могилы княжны Прасковьи Вяземской в Риме работы М. Лебедева, ранее бывшие в Остафьеве⁶.

Благодаря целенаправленной деятельности В.Д. Бонч-Бруевича по сосредоточению в Гослитмузее бывших остафьевских меморий, именно в этот музей стали обращаться те, кому была неравнодушна судьба усадьбы, обращенной в элитный дом отдыха ЦИК СССР.

Так, в 1938 г. в Гослитмузей поступило письмо от заведующего сектором изб-читален и домов культуры МОНО с просьбой рассмот-

¹ ОР РГБ. Ф. 369. К. 104. Ед. хр. 22. Л. 7.

² ОР РГБ. Ф. 369. К. 264. Ед. хр. 12. Л. 9 об.

³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп.1. Ед. хр. 76. Л. 99.

⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп.1. Ед. хр. 2835. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 16, 17.

реть возможность установить в Остафьеве мемориальные доски: «Не мог бы Литературный музей взять на себя составление и установку меморативных аннотаций – досок о доме и поэтах. Такую доску можно установить в вестибюле или большом зале дома, а другие – у памятников, что даст возможность отдыхающим и администрации дома уяснить художественную и культурно-историческую роль дома и усадьбы»¹.

Еще более интересный сюжет произошел годом ранее и был связан с попыткой возродить в Остафьеве музей. Инициатором этой попытки выступила редакция газеты «Вечерняя Москва». В августе 1937 г. сотрудники газеты поехали в Остафьево с целью, как было сказано в их заметке, «посетить Пушкинский музей, расположенный в замечательной усадьбе Остафьево, некогда – принадлежавшей поэту Вяземскому. Мы хотели подробно рассказать читателям «В.М.» о достопримечательностях этого прелестного уголка Подмосковья»². Но каково же было разочарование журналистов, когда они увидели, что «Ворота закрыты и на них висит объявление «вход посторонним воспрещен. Остафьевский дом отдыха»³. «Нашему изумлению нет конца, – продолжали авторы заметки. – Это непостижимо! Всего лишь вчера вся страна отмечала столетие со дня гибели Пушкина, величайшей гордости русской поэзии и сегодня музей его имени, дом, хранящий память о нем и его друзьях – переоборудованы в дом отдыха...». Далее в газетной заметке эмоционально описывалось запустение усадебного парка, в который журналисты проникли «нелегально»: «С возмущением констатируем: у одного из четырех бронзовых лебедей, прикрепленных к пьедесталу [памятника В.А. Жуковскому – Т.Е.], изогнуто надломлено крыло. Увы, почти все памятники, находящиеся в парке, повреждены»⁴. В заключение авторы заметки выдвигали предложение сделать Остафьево в форме музея доступным для широких масс трудящихся, тем более что «огромные, роскошные и неудобные залы дома отнюдь не приспособлены для отдыха».

Заметка была опубликована и отослана для реагирования в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР, а оттуда перенаправлена в Гослитмузей с резолюцией: «Посылаем Вам копию заметки О музее на ст. Щербинка для ответа по существу. Ответ ждем – 12/VIII»⁵.

¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2835. Л. 23.

² РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2744. Л. 12.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2744. Л. 13.

В.Д. Бонч-Бруевич в это время был в отпуске, поэтому его заместитель К. Зиллов срочно отправил для обследования положения дел в Остафьеве С.И. Дарагана. 28 августа 1937 г. С.И. Дараган подготовил рапорт о состоянии бывшей усадьбы. Этот документ имеет большое значение для изучения бытования Остафьева в советские годы, поэтому имеет смысл опубликовать его целиком: «Директору Государственного Литературного музея ст. научного сотрудника Дарагана С.И.

Рапорт.

По предложению Вашему от 19. VIII. с.г. за № 2049 я посетил 27 августа усадьбу «Остафьево» и познакомился с состоянием и охраной памятников старины и природы, находящихся под наблюдением «Остафьевского дома отдыха».

Содержание парка, парадного двора, цветников и строений в этой усадьбе вполне удовлетворительно. К сожалению, однако, деревья в парке, среди которых росли кустарники, прорежены, кустарники – совершенно уничтожены, парк просвечивает, что мало отвечает характеру старой усадьбы и тому, как она выглядела в прошлом.

Равным образом, за парком находилась так называемая «Карамзинская» березовая роща, по боковой аллее которой, по преданию, Карамзин постоянно совершал утренние прогулки.

В настоящее время вся центральная часть этой рощи огорожена и занята выстроенной в ней дачей, причем утратила совершенно характер лесного участка – «куска природы»...

Боковая березовая аллея на $\frac{3}{4}$ не существует.

Вообще в усадьбу внесен слишком «дачный» характер, и рядом вновь воздвигнутых построек, и устройством ненужных украшений и площадок в парке. В конце аллеи «Русского Парнаса» водружена большая декоративная ваза, ни традицией, ни эстетически не оправдываемая. Так же совершенно неуместными являются на парадном дворе перед домом громоздкие, якобы «стильные» столбы въездных ворот и грандиозный фонтан с водоемом среди цветников. Они идут вразрез со спокойным, строгим стилем дома и размером площадки перед ним. В настоящее время вода в прудах спущена /ввиду предполагаемой чистки их/, а потому состояние их неприглядно.

Что касается пяти памятников, воздвигнутых в парке в 90-х годах XIX века¹, в память писателей, близко стоявших к «Остафьеву», то памятники П.А. Вяземскому и Н.М. Карамзину находятся в удовле-

¹ С.И. Дараган ошибается. Памятники в усадебном парке были установлены в 1911–1914 гг.

творительном состоянии и повреждений не имеют, памятник В.А. Жуковскому действительно имеет следы повреждения – у одного из барельефов в бронзе, изображающего «умирающего лебедя», отгнуто и слегка надломлено крыло; с пьедестала /гранитного/ памятника Пушкину снята бронзовая фигура поэта и все бронзовые украшения, кроме бронзовой доски – барельефа, изображающего Остафьевский зал с фигурой сидящего Пушкина. По словам коменданта дома отдыха /т. Головцова/ фигура Пушкина отправлена в Москву для отлива с него муляжей. Памятник П.П. Вяземского /сын поэта, собирателя и писателя/ перенесен с парадного двора в парк и помещен вблизи от памятника Жуковскому. Бронзовая фигура не совсем правильно установлена на пьедестале. На бронзе памятника местами есть царапины и мелкие повреждения, которые требуют возобновления патины. Также стерты и плохо читаемы надписи на граните памятника Пушкину. В зимнее время памятники под футлярами¹.

Рапорт С.И. Дарагана был отослан в редакцию «Вечерней Москвы» и в Музейный отдел Наркомпроса². По материалам рапорта состоялись телефонные переговоры Музейного отдела Наркомпроса с МООНО, но вопрос о возобновлении музея в Остафьево так и не был решен³.

Можно выделить как минимум две причины, по которым в юбилейный пушкинский год не смогли возродить музей в усадьбе, в которую поэт приезжал трижды. Во-первых, идея о проведении памятных мероприятий, приуроченных к столетию гибели А.С. Пушкина, возникла еще в 1933 г. и стала реализовываться Всесоюзным Пушкинским комитетом с 1935 г. Соответственно, открытие Пушкинского музея в Михайловском и организация музея в Болдине, как и бюджеты на них, были согласованы заранее. К сожалению, Остафьево не попало в список памятных пушкинских мест, где проходили официальные мероприятия по чествованию памяти поэта, и летняя заметка «Вечерней Москвы» слишком запоздала, чтобы изменить ситуацию.

Во-вторых, после уничтожения музея усадьба «Остафьево» оказалась в ведении слишком высокого начальства – Хозяйственного управления (ХОЗУ) ЦИК СССР. В ней был организован элитный закрытый дом отдыха для партноменклатуры с собственным подсобным хозяйством. Для нужд дома отдыха была осуществлена перестройка

¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2744. Л. 11–11 об. Вводится в научный оборот впервые.

² РГАЛИ. Ф. 612. Оп.1. Ед. хр. 2835. Л. 21.

³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2744. Л. 14.

усадебного дома, уничтожившая его прежние интерьеры, в парке возведена персональная (литерная) дача, построено восемь двухэтажных жилых домов для служащих, на что были затрачены немалые деньги¹. ХОЗУ ЦИК СССР развернул в Остафьеве активную деятельность: для обслуживания отдыхающих было построено собственное овощехранилище и инкубаторная фабрика для выращивания цыплят, проложены шоссе и грунтовые дороги – и все это делалось не для того, чтобы сразу после торжественного открытия дома отдыха 28 мая 1937 г. передать его обратно под пушкинский музей.

Но, по-видимому, идея возрождения музея в Остафьеве в той или иной степени оставалась в планах Гослитмузея, доказательством чему служит докладная записка В.Д. Бонч-Бруевичу уже от П.С. Шереметева, датируемая 16 января 1940 г. В этой записке, отвечая на просьбу В.Д. Бонч-Бруевича дать подробности об истории и коллекциях в Остафьеве, П.С. Шереметев выражал надежду на возможность восстановления музея: «В случае решено будет заняться восстановлением хотя бы отчасти бывшего Остафьева, считаю долгом уведомить, что я не откажусь оказать содействие в подобной работе, которую считаю вполне возможной, но требующей личного обозрения многих музеев и учреждений, что должно, разумеется, занять некоторое время, да невозможно без помощи самого Государственного Литературного музея»².

Заключение. Таким образом, расцвет Остафьева в XIX веке и приобретение им славы «русского Парнаса» был неразрывно связан с именем А.С. Пушкина, а хранившиеся в усадьбе мемориальные вещи поэта были одними из главных экспонатов открытого здесь еще до революции музея. После революции заведующий музеем П.С. Шереметев также апеллировал к имени А.С. Пушкина, пытаясь спасти Остафьево от закрытия. Такую же попытку в 1937 году предприняли журналисты газеты «Вечерней Москвы», справедливо указывая, что дом, хранящий память о А.С. Пушкине и его друзьях, должен быть открыт для всех трудящихся и превращен в музей. Однако ни редакция «Вечерней Москвы», ни Гослитмузей, несмотря на партийные связи В.Д. Бонч-Бруевича, не обладали должным ресурсом, чтобы соперничать с ЦИК СССР, устроившим в усадьбе элитный дом отдыха. Возвращение музейного статуса Остафьеву произошло только в 1988 году.

¹ Кирюшина З.Е. Из истории усадьбы Остафьево 1931–1989 гг. // Остафьевский сборник. Вып. 11-12. Остафьево, 2009. С. 219.

² РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 2270. Л. 42 об. Подчеркивание в тексте – П.С. Шереметева.

Список источников и литературы

1. «Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич»: Письма Н.Е. Ончукова к В.Д. Бонч-Бруевичу 1930-х гг. / Вступ. ст., публ. и коммент. Комелиной Н.Г. // Из истории русской фольклористики. Вып. 11: К юбилею Валерии Игоревны Ереминой. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 486–517.
2. *Егерев Т.А.* Остафьево в 1920-е годы: роль П.С. Шереметева в изучении и сохранении усадебных коллекций // «Une vie de château». Жизнь в усадьбе и вокруг нее: материалы международной научно-практической конференции из цикла «Императорская Гатчина». Часть 2. СПб.: Папирус, 2023. С. 31–45.
3. *Квятковская Н.К.* Остафьево. М.: Советская Россия, 1990. 258 с.
4. *Кирюшина З.Е.* Из истории усадьбы Остафьево 1931–1989 гг. // Остафьевский сборник. Вып. 11-12. Остафьево, 2009. С. 215–229.
5. *Московская Д.С.* О времени и о себе. Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича с Н.П. Анциферовым // Вторые московские Анциферовские чтения: сборник статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. М.: Изд-во Государственного Литературного музея, 2014. С. 88–132.
6. Обмен письмами между Б.В. Томашевским и В.Д. Бонч-Бруевичем. Январь – февраль 1939 г.: неосуществленное издание писем Блен де Сенмора к великой княгине Марии Федоровне в серии «Летописи Государственного литературного музея» / Вступ. ст., публ. и коммент. Шумихина С.В. // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М.: РГГУ, 2001. С. 190–201.
7. *Шумихин С.В.* Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного литературного музея в 1931–1941 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИАИ, 1988. 29 с.

Маргарита Борисовна Зернина,

ассистент кафедры общественных наук,

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,

email: zernina.margarita.b@gmail.com; ORCID: 0009-0005-1269-2600

**ИТОГИ РЕФОРМ Н.С. ХРУЩЕВА
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ЛИТЕРАТУРЫ И КИНОИСКУССТВА**

Аннотация. В исследовании посредством анализа содержания произведений советской литературы и киноискусства дается оценка отноше-